

АМИР АМИНЕВ

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗ

Один из погожих вечеров ранней весны.

У неказистого домишки колхозной конюшни, что на краю аула, собрался народ. Кто-то распряг здесь лошадь, кто-то пристал мимоходом, а были и такие, кто прибыл в аул по делу из других мест да и подзастрял в людном местечке.

Пятачок этот, в шутку именуемый “утлау”, то есть “пастбище”, — сборное место не только для игрищ молодых, но и для общения и неторопливых бесед людей зрелых, даже тех, кто давно уже имеет внуков. Да и где, как не здесь, обмениваться аульчанам деревенскими новостями? Вот и сходились к приходу бригадира, который станет призывать к работе да распределять участки, куда кому идти.

А когда просохнет земля, ребятня стянет сеткой два сиротливо торчащих за домиком столба и будет лупить по мячу до самых поздних осенних дождей.

Но это начнётся только через десяток дней...

А сегодня аульчане покуривают да весело судачат по поводу своевременного прихода весны, целости и сохранности скота после долгой зимы и скорого начала посевной. На их лицах — выражение благодушия и удовольствия.

— Слыхали, вчера дети Мансур-агая видели на горе гифрита*? Говорят, человек — не человек, медведь — не медведь.

---

* Гифрит — мифический великан.

АМИНЕВ Амир Мухаметович родился в 1953 году в д. Сабай Гафурийского района Башкирии. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького. Автор книг “Мелодии молодости”, “Лист берёзы”, “Водоворот”, “Ворота”, “Китай-город”. Член Союза писателей РФ, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан. Лауреат Большой литературной премии России. Живёт в Уфе.

Сабит первым узнает все последние новости; от него всегда услышишь что-нибудь новенькое о соседе и даже о самом себе. Потому, видимо, остро-словы и дали ему более чем подходящее прозвище — Почта-Сабит.

— А мы-то думали-гадали, что ты нам сегодня сообщишь. И вот ведь не оставил без новости! — съязвил местный балагур Ишбулды.

— Да правда это, биллахи*, — начал клясться Сабит, пуча свои безбровые зелёные глаза, будто стараясь отыскать среди слушателей таких, что могли бы подтвердить сказанное им. — Я только что от Мансура. Так вот: эти парни со вчерашнего дня прийти в себя не могут от увиденного.

— Кто это?

— Кто, кто! Мансуровы дети.

— А где они его видели?

— На вершине Магаша, — и Сабит ткнул пальцем в сторону горы.

— Ну, конечно! Детям Мансура поверишь — сам дураком будешь. Пусть не брешут! — Ишбулды щелчком отбросил окурок, сплюнул сквозь зубы и пренебрежительно махнул рукой.

Так уж повелось: последнее слово на “утлау” всегда оставалось за этим человеком. Заливал ли он, правду ли вещал, а все прислушивались к его мнению. Как говорится, в работе слабак, да в споре мастак.

— Этот мансуровский отпрыск... из армии вернулся и рассказывал, будто с командиром полка вместе пиво пил, — вступил в разговор кто-то из более молодых. — А командир полка — это, по крайней мере, полковник. На худой конец, подполковник. Так они и станут с солдатом пиво пить. А если даже и будут, то не с Ульфатом же!

— Да кто их знает! Говорят, видели. — Голос Почты-Сабита уже звучал не так уверенно. Кажется, он и сам стал сомневаться в сказанном. Однако продолжал упорствовать. — Рост, говорят, у него метра три. А тело сплошь шерстью покрыто. Когда они его видели, тот под деревом сидел, грыз что-то.

— Сидел, говоришь? Как можно узнать рост сидящего? Они что, подошли к нему и измерили? — Говоривший от души рассмеялся, сотрясая вечерний воздух. Вслед за ним засмеялись и другие.

— И откуда же, интересно, взялся этот великан? Почему до сих пор его тут никто не видел? Он что, с неба свалился? — опять подключился к разговору Ишбулды. — Ты, Почта, слышал такую поговорку: “ври, да не завирайся”?

Разговор на время затих. Каждый обдумывал про себя новость, выданную Сабитом. Кто-то, как водится, не поверил, кто-то воспринял с сомнением, а третьи приняли за розыгрыш и лишь хитро переглянулись друг с другом.

Кашаф, у которого от рождения был лёгкий крен в голове, сокрушённо произнёс:

— Братва, а вдруг всё это правда? Страшное ведь дело намечается. Может, грянем всем миром да и проверим, что к чему?

— Ну, конечно! Он только нас и дожидается. Смотри, Кашаф, увидишь такое страшилище — в штаны наложишь, так жена за год не отстирает! — поддел его Ишбулды, и весь “утлау” отозвался на его слова весёлым хохотом.

— Если пойдёшь на него с топором да с вилами, он сам под себя наложит, — не оставил его без ответа и Кашаф.

— А ты пойдти, дорогой, пойдти, раз такой любопытный...

И снова — взрыв хохота.

— Слушайте, вы! А вдруг его сбросили с летающей тарелки? — ошарашил всех Гузаир, которого все тут звали Козаиром**. Дело в том, что сам он был из соседнего аула, а выдал дочь за здешнего. Однако при этом положил глаз на свою сваху — мать жениха, выставил из её дома молодых и сам преспокойно зажил с этой самой свахой по-семейному.

— Как это может летающая тарелка вместить такую громадину? — задумчиво возразил Кашаф.

* Биллахи — клятвенное заверение, аналогичное русскому “вот тебе крест!”

** Козаир — составное из слов “коза” — сват и “ир” — муж.

— Тарелки тоже разные бывают, — рассудительно сказал Козаир. — Иные вон с тот дом. В неё не один — сразу несколько великанов уместится. Там же и спят, и едят. А ночь придёт — на землю спускаются. Так что подбросить гифрита они вполне могли.

Высказав эту точку зрения, Козаир с удовольствием закурил новую папиросу. Что-то добавить после него никто не решался. Хотя сомнительно: на этой самой горе Магаш люди летом ягоды собирают, сено готовят, зимой туда за дровами ездят, почему же до сих пор никто не замечал этого великана?

А Кашаф всё никак не мог уняться.

— Если то, что сказал Почта-Сабит, правда, надо отправиться туда с ружьём и уложить его на месте!

— А что станешь с ним делать? Есть будешь?

— Отвезёт тушу в город и сплавит тамошним богачам вместо говядины!

— Ну, хватит языками молоть! — досадливо произнёс Ишбулды. — Сказки всё это. Увидели тёлку и приняли за чудовище. У страха глаза велики.

— Хочешь сказать, сговорились они, Мансуровы дети? — обиженно отозвался Почта-Сабит и, обернувшись к Юмагулу, спросил: — Вот ты у нас знаменитый охотник, Юмагул-агай, ты и скажи своё слово.

— Не знаю, мужики. Лично я никогда ничего подобного не встречал, — нехотя промолвил Юмагул, который не любил участвовать в спорах. — Сказал бы: не бывает таких великанов, да ведь чего нет на белом свете?

Присутствующие переглянулись между собой, и разговор о гифрите снова угас, перейдя на разные повседневные дела. Тем более что и сам Почта-Сабит — причина всей этой словесной свары — куда-то незаметно улизнул.

Юмагул — знаменитый охотник. К своим семидесяти годам добыл тридцать девять медведей. Он вёл им строгий счёт и хорошо помнил, где и как “брал” каждый трофей. Он же уложил дожину волков, — одних забил сукмаром*, других взял капканом. Лет десять назад только благодаря ему и удалось сохранить колхозных овец. Впрочем, сохранить удалось далеко не всех. В тот год волки шли на аул целыми стаями. После первого налёта на ферму недосчитались девяти, а после второго — шестнадцати баранов. Дело это рассматривалось даже в районе, откуда прибыл специальный уполномоченный и устроил разнос: как, мол, так, позволяете хищникам пожирать колхозное добро?

Ясное дело, Юмагул не остался в стороне, включился в борьбу с серыми. Две недели их выслеживал. Трёх подстрелил, остальные сами перекочевали в другие места.

После этого сильно поднялся авторитет охотника. Не только из райцентра — из самой столицы прикатили фоторепортеры, снимки его замелькали на страницах газет. Его теперь называли не иначе, как Охотник Юмагул, Юмагул — гроза волков. Эх, были же времена! Теперь всё это мало-помалу забылось. О звёздном часе своего земляка помнят лишь люди старшего возраста. Молодые о том даже не ведают. А если им что-нибудь такое говорят, то они и слушать не хотят: мол, знаем мы ваши байки!

Так вот, заставили-таки задуматься Юмагула слова Почты-Сабита. Конечно, поверить-то он не поверил, но, знакомый с разными слухами и газетными публикациями, вполне мог допустить, что в глухих лесных и горных местах могут существовать и такие гиганты. Он даже собрался было сходить к бригадире, посоветоваться с ним на этот счёт: может, действительно порыскал с ружьишкой по лесу, оглядеться по сторонам — вдруг и в самом деле вынырнет откуда-нибудь этот загадочный гифрит? Но навалились повседневные хлопоты, преставилась родная сестра жены, и ему пришлось заняться её погребением... А там и желание пропало.

Но вот Почта-Сабит вновь взбудоражил людей своим свежим сообщением, подлив масла в огонь:

— Я сам видел того зверюгу! Собственными глазами. Комолая корова домой не вернулась, вот и отправился её искать. Аж на самую Макарьевскую поляну забрёл. Вдруг слышу: треск среди деревьев. Не корова ли моя пропавшая, думаю, а это — он! Хоть верьте, хоть не верьте. Так вот, рост-то

* Сукмар — кистень.

у него действительно под три метра. И всё тело шерстью обросло. От одного вида такого чудовища кого угодно кондрашка хватит. Пустился я от него наутёк и про корову свою забыл!

— Говорят, килен* штаны его проверила, а там мокрым-мокро, — вновь попытался высмеять Сабита Ишбулды, но на этот раз его никто не поддержал. Все молча смотрели на Юмагула, ожидая, что он скажет. Но охотник молчал. Зато Сабит подступился к нему вплотную:

— Юмагул-агай, теперь слово за тобой. Снимай с крюка свое ружьё, и двинем на гору. Мы его окружим и погоним в твою сторону, ну, а уж ты — не дрейфь!

— Одного ружья мало, — теперь уже вполне серьёзно сказал Ишбулды. — Нужно, по меньшей мере, три. Представляешь: ты его гонишь, а он вдруг развернётся — и на тебя самого! Что ты станешь делать? Опять — наутёк?

Теперь старый охотник уже почти не сомневался в существовании этого удивительного гифрита. Да и как тут сомневаться, если над твоей головой то и дело парят летающие тарелки! Но такой ли уж зловредный этот великан, чтобы на него поднимать оружие?

— Значит, говоришь, у Макарьевского поля? Ну, а вы где его видели? — обернулся он к сыновьям Мансура.

— Там, где сосняк начинается, — охотно отвечали те. — В глубине леса.

— Выходит, зверь этот так и топчется на одном месте, — задумчиво произнёс Юмагул, — Ну, что ж, попробуем пощупать, что за диво такое.

Однако за домашними делами да заботами миновало ещё несколько дней. А там и стадо выгнали на волю, и вот тебе оказия: в первый же день не вернулись обратно сразу две коровы. Правда, одна из них утром присоединилась к стаду, а вот корова Хайриямал-апай будто в воду канула, так и не вышли на её след. И это вновь заставило встряхнуться старого охотника. “Не травой же питается этот зверь, — подумал он про себя. — Без мяса вряд ли обходится. Да ещё после затяжной зимы”.

Но и на этот раз не смог он собраться — всё та же повседневная суета помешала. А на четвёртый день пропала ещё одна скотина, на сей раз — самого Мансура.

Прихватив с собой двух сыновей, пострадавший самолично отправился на гору. Целый день бродили они в поисках заблудшей коровы, а на обратном пути неожиданно-негаданно наткнулись на этого самого гифрита. Младший из сыновей Ильфат увидел его первым и не столько из смелости, сколько от страха дал по нему выстрел. Но неудачно...

“Эх, не умеют люди с животными да зверями обращаться, — услышав эту историю, подумал Юмагул. — Везде хозяевами быть хотят, а того не разумеют, что природа создана не только для них...”

А потом пропала тёлка из крайнего дома аула. Это было тем более странно, что с вечера хозяин загнал её в сарай и запер ворота ограды. И следы похитителя тут же отпечатались — огромные, каких здесь отродясь не видели. Поглядеть на них собрался весь аул. Кто-то даже обнаружил на жерди клок бурой шерсти.

После этого и самые неверующие вынуждены были признать свою неправоту, впали в уныние. Становилось страшно не только за скотину, но и за самих себя.

В беспокойном предчувствии и невесёлых разговорах прошли первомайские праздники. Однако гифрит пару недель подряд не давал о себе знать. “Питается тем, что увёл из аула, — решили люди. — Но как он поведёт себя дальше?”

И гифрит действительно не заставил себя ждать. Пришла весть, что он преследовал запозднившегося бухгалтера из соседнего аула, который проявил удивительную для его возраста прыть, спасшись от нападавшего бегством. А когда пропала ещё одна корова, Юмагула вызвал к себе председатель колхоза, сравнительно молодой человек, и сказал:

---

* Килен — жена младшего по возрасту человека.

— Надо что-то предпринимать, Юмагул-агай. Вся надежда на тебя. Давай, бери своё ружьё — и на гору. Земля, считай, просохла, лес пока насквозь просматривается. Тебе ничто не мешает отыскать разбойника. — Потом смущённо добавил:

— И откуда он объявился, проклятый? Будто из старых бабушкиных сказок вылунился... Когда я ещё в школе учился, рассказывали о снежном человеке. Мол, видели его высоко в горах... Где-то на границе с Китаем. Тоже — огромные следы. Не то зверь, не то человек. А потом в лесах его стали встречать, клочки шерсти на ветвях находить. Вот я и думаю: уж не объявился ли этот снежный человек и в наших краях?

Он помолчал и закончил уже деловым голосом:

— Я и в райцентр сообщил, Юмагул-агай. Пусть всколыхнут своё охотничье общество. Впрочем, нам их дожидаться не резон. Так что бери с собой двух-трёх надежных парней — и в путь. Справитесь — каждому по барану.

Юмагул лишь усмехнулся про себя этим словам колхозного головы: не всё, сынок, баранами да деньгами меряется!

Теперь ему надо было решать, с кем и когда выходить на охоту. Конечно, возьмёт он с собой мансуровского отпрыска, который первым в ауле увидел “снежного человека”. Почта-Сабит и без приглашения увяжется. Ну, можно ещё предложить долговязому Аухату, который тоже иногда с ружьишкой всякую мелкую живность промышляет.

Ночью Юмагул спал плохо, всё ворочался с боку на бок да вздыхал и только на рассвете уснул беспокойным сном.

...А ведь были времена, когда лучших охотников страны вызывали в Москву на их съезды. Однажды среди приглашённых оказался и Юмагул. Колхозный председатель и тот самый уполномоченный, что устраивал им разнос из-за волков, пришли его уговаривать: мол, во всей республике нет охотника лучше тебя, потому, дескать, тебе только и пришло это самое приглашение из Москвы. А он растерялся, не знает, как поступить: дел непереворот, скоро в отпуск сын с невесткой из Сибири должны приехать, огородам опять же надо заняться... Но начальники давят, продыха не дают: как, не поехать в столицу?! Да ведь на этом съезде должен присутствовать сам президент! К тому же, говорят, каждому участнику подарят по машине... И сдался Юмагул, не устоял перед таким напором.

Надо сказать, в Москве ему всё благоволило. Едва узнав, что прибыл “лучший охотник Башкирии”, каждый встречный-поперечный, будь то простой прохожий или милиционер, спешили проводить его по нужному адресу, желали успехов и счастья. “Да, велика Москва, но знают тут охотника Юмагула”, — не без самодовольства думал посланец своей солнечной республики. И в нём всё больше возгоралась гордость за себя и за свой родной Башкортостан. И даже походка у Юмагула стала иной — прямой, солидной, с гордой осанкой.

Его необыкновенно легко и просто пропускали во все ворота зубчатых стен Кремля: стоило лишь назвать своё имя и показать приглашение — и каждая дверь распахивалась перед ним нараспашку. Проходя, он успел погладить чугунное жерло огромной махины, которую называли “Царь-пушка”, постоял у великана-колокола с отломанным краем, но тут его взяли под руки и увели во внутренние покои Кремлёвского дворца: мол, пожалуйста на съезд, который сейчас начнётся. А там — Господи, боже мой! — блеск и роскошь, потолок уходит куда-то в поднебесье. И народу в зале полным-полно, больше, чем живности в лесу.

Вскоре рядом с ним уселись два своеобразных человека: у одного шрам от лба до подбородка и один глаз завязан чёрной материей; рука другого в гипсе и подвешена к плечу. “Охотники! — вмиг догадался Юмагул. — Удачные мужики...”

Но вот, наконец, появились три важных человека за длинным столом президиума, застланным красным сукном. Один из них поднялся с места и начал говорить в микрофон. Но, видно, не привык Юмагул к такому общению через аппарат, очень плохо воспринимал слова говорившего. Однако делал вид, что всё слышит и понимает, вместе со всеми начинал хлопать

в ладоши, когда оратор делал паузы и поднимал глаза на зал. А сам всё думал: когда же, наконец, появится президент? Но тот всё не появлялся, и в душу охотника начало закрадываться сомнение: хватили лишку земляки, преувеличили малость. Это чтобы он не упрявился. Да станет ли в самом деле глава государства, которого ждут в каждой стране, терять драгоценное время на каких-то охотников?

Во второй половине дня на сцену стали вызывать самих участников съезда. И вот Юмагул услышал свою фамилию и весь встрепенулся. Поначалу не поверил, решил, что в зале сидит ещё один человек с такой же фамилией. Но говоривший громко повторил: “Товарищ Зиннуров из Республики Башкортостан”. Теперь у него сомнений не осталось. Юмагул поднялся с места и под любопытствующими взглядами сидящих в зале на ватных ногах направился к сцене. Председатель улыбнулся и протянул ему руку, затем вручил какой-то ключ. “От машины!” — мелькнула в голове радостная догадка. На место он возвращался с высоко поднятой головой.

Когда съезд завершил свою работу и его участники повалили к выходу, Юмагул неожиданно заблудился и угодил в какую-то совершенно незнакомую комнату. Смотрит: а там — медведь, которого он должен добыть. То есть не медведь даже, а тот самый снежный человек, гифрит! “Ах, значит, ты и есть мой охотник!” — зарычал чудовище и кинулось на него, вскинув вверх огромные лапищи. Юмагул отчаянно вскрикнул и... проснулся.

Какое-то время он лежал, унимая сердцебиение. Жаль было расставаться с тем, что привиделось во сне. Особенно с ключом от машины. Но что делать: сон есть сон. Юмагул вспомнил о предстоящей вылазке, и ему почему-то стало не по себе. Вспомнилась и старая примета охотников: сороковой медведь добра не сулит...

Неторопливо позавтракав, Юмагул закинул за плечо ружьишко, прихватил с собой пса и так же неспешно направился в сторону горы. На разведку.

Под ногами чавкали лужи. День был ненастный, не сулящий скорого прояснения. Казалось, вот-вот свинцовые тучи над головой сомкнутся, и сверху обрушится дождь или даже снег. Деревья и кусты имели цвет ржавого железа.

Вот сквозь мелкий дубняк он поднялся на первый пригорок, затем на второй. Чем выше он поднимался, тем выше становились деревья, тем больше обнаруживались нещадные следы топора. “Как же мы не жалеем природу!” — с горечью думал охотник. Прежде лесники всерьёз боролись с браконьерами-порубщиками, а теперь... Вон, назначили парня с дипломом, а он этим самым порубщикам за водку продаётся...

Неподалеку раздался резкий треск сломанной валежины. Испуганно залаял, завизжал пес, трусивший рядом с хозяином. Юмагул вздрогнул, замер на месте, настороженно оглядываясь по сторонам. Потом привычным движением вскинул ружьё, однако вокруг опять всё было тихо. Но пса не обманешь: согнувшись коромыслом, он по-прежнему жался к его ногам. Значит, всё-таки тут кто-то есть. Юмагул до боли в глазах вглядывался в пространство между деревьями, но ничего подозрительного не замечал.

Снежный человек появился совсем не там, где он его искал. Он затаился за дубом метрах в двадцати от дороги, выглядывая из-за корявого ствола, как выглядывают дети во время игры в прятки. Под его пристальным оком охотник поневоле съёжился. Тело гифрита и впрямь было покрыто густой бурой шерстью, голова была лохматая, лицо — волосатое. Глаза чуть просматривались сквозь лохмы волос, и была в них какая-то гипнотизирующая сила. Уши торчали наподобие комьев из налипших друг на друга репьев.

Холодный пот прошиб Юмагула. Волосы на голове встали дыбом. Стрелять? А если не попадёт?.. Ах, хитрая bestия, знает, как вести себя с охотником, за стволом прячется, дразнит, но не уходит.

“Первый патрон надо выпустить для острастки”, — решил Юмагул. Ну, а там, если удастся выманить на открытое место, вторым уложить на месте. Нет, старый стрелок-мэргэн ещё не разучился стрелять!

Тем не менее, руки слушались плохо, дрожали в кистях и локтях. Да и глаза ни с того, ни с сего начали вдруг слезиться. Юмагул дважды под-

нимал и опускал ружьё, в сердцах пнул тихо скулящего в ногах пса. Вот, наконец, он прицелился прямо в лоб снежному человеку, а тот возьми да и скройся за деревом, только бок лохматый торчит.

Юмагул снова опустил ружьё и с трудом передвинул одеревеневшие ноги. А тот, видимо, только того и ждал: стремительно переметнулся от одного дерева к другому и опять спрятался за его толстым стволом. Да, это был не какой-нибудь зверь-глупыш! Он был наделён редкой сообразительностью и расчётливостью.

Это открытие неприятно поразило охотника. Не выдержав, он стал отступать назад, в сторону аула. И вслед за ним сразу же двинулся снежный человек, но теперь уже кособоча, словно желая перерезать ему дорогу для отступления.

Юмагул быстро вскинул ружьё и нажал на курок. Промаях! Пройдя быстрым шагом метров десять, он вновь обернулся: снежный человек продолжал следовать за ним. На этот раз он укрылся за густыми зарослями можжевельника. Юмагул, не задумываясь, ошпарил дробью прутья кустарника — не одна, так другая дробинка должна бы попасть в него, но у того только бурый хохолок кольхнулся, как от ветерка.

Что же случилось? Почему он никак не может попасть? И от этих пустых выстрелов, от этого отчаянного бессилия вкрался в душу старого охотника тёмный страх. Он уже не уходил, а в буквальном смысле ускользал от преследующего его снежного человека, не забывая при этом нащупывать очередные заряды.

Один патрон он всё-таки успел протолкнуть в ствол, другой упал под ноги, но Юмагул не стал его поднимать, боясь оказаться достигнутым. Когда он изготовился в очередной раз, гифрит зарычал таким ужасающим голосом, что охотник опять дрогнул. Так рычать мог только медведь. Или бык. Или — тот и другой вместе.

Юмагул продолжал отступать, и всё спиной, спиной, не сводя глаз со своего преследователя, который мгновенно укрывался за деревом, едва он вскидывал ружьё. Оставалось лишь удивляться его проворности. “Бежать, бежать”, — кричал в сердце страх. Мчаться сломя голову в сторону аула! Разумеется, считаясь с возможностями своего возраста. Может быть, успеет спуститься с горы. А не успеет — начнёт кричать, звать на помощь.

Теперь он удивлялся тому, как мог пойти в такую разведку один. Мол, если что, и сам одолеет. Одолеет, как же!

А снежный человек продолжал двигаться за ним, следя за каждым его шагом, за каждым движением. Немало пришлось пережить Юмагулу разных опасностей, но в подобной ситуации он оказался впервые. Нет, убежать от такого зверя не имеет смысла, ибо он может настичь буквально в несколько прыжков. Но почему же он всё-таки медлит? Почему не бросается на него, пользуясь удобным случаем? Вот это-то и было для старого охотника самой непостижимой загадкой. Ведь при желании он мог бы накрыть его играючи — Юмагул и пикнуть бы не успел!

Но вот он миновал свой бывший “сенной” участок, и это придало уверенности. Теперь можно было рассчитывать на спасение. И именно на этом пятачке отпустил его, наконец, снежный человек, перестал преследовать. Но только добравшись до сельского кладбища, Юмагул наконец-то перевел дух, поняв, что зверь от него отстал. И тогда он упал спиной на землю, широко раскинув руки и ноги. И так, Аллах избавил его от неминуемой гибели.

А ночью снежный человек увёл у Юмагула тёлку из закрытого хлева. Знать, видел, в какую избу вошёл охотник. Выходит, отомстил. Впрочем, это могло быть его предупреждением и всем остальным: мол, попробуйте сунуться в горы — будете иметь дело со мной!

На “утлау” опять собрался народ. Все внимательно выслушали рассказ охотника о вылазке на гору Магаш и теперь молча переваривали сказанное им. Необходимость всеобщего вооружённого похода была теперь совершенно очевидна. Да и самолюбие старого охотника было сильно задето.

— Аухат, ты со мной пойдёшь?

— Ага.

— А ты, сынок? — обратился охотник к сыну Мансура.

— Ну, да.

— Сабит?

— Канишно!

— Почта-Сабит идет сзади всех, а улепetyвает впереди всех, — хихикнул на всякий случай Ишбулды.

— Потом будет хвастать: я первым выстрелил, первым на землю уложил! — поддержал его Кузаир.

— Зато вы только на то и годны, чтобы зубы скалить, — пробурчал Сабит. — Погоди, вы тут будете лясы точить, а мы перед вами шкуру гифрита кинем. Так ведь, Юмагул-агай?

— Ну, это ещё бабушка надвое сказала, — хмуро ответил старый охотник.

Наутро четыре человека с тремя ружьями направились к Магаш-горе. Весь долгий день бродили они по лесу, но на этот раз так и не смогли напасть на следы снежного человека. Спрятался, наверно, в глухом месте, решили они, понимает, что против такой силы не попрёшь. Но где он укрылся, не на дереве же, в конце концов? Да и в землю зарыться не мог: не медведь он, чтобы в берлогу лезть.

А через два дня прибыли из райцентра охотники, о которых говорил председатель колхоза, и Юмагулу вновь пришлось идти в лес, вести семерых вооружённых людей, явившихся сюда с разных концов района. Опять искали весь день и опять не нашли. После неудачного похода собрались в кабинете председателя, кратко доложили о результатах “рейда”, сделали предположение, мол, если гифрит действительно существует, то он, скорее всего, подался в иные места, и на том сочли свою миссию завершённой. Только и пришлось хозяину колхоза, что поблагодарить их за услугу и проводить в обратный путь.

Но Юмагул, уже столкнувшийся с хитростью и вполне разумными действиями снежного человека, прекрасно знал, что никуда он отсюда не ушёл, только затаился в непроходимой глубине леса и выжидает, когда всё вокруг успокоится, и можно будет вновь грабить да воровать скот. Чтобы укротить такую тварь, надо быть не только проворнее, но и умнее его самого. Впрочем, он уже держал в голове план, который должен был принести успех...

Юмагул сходил к электрику и выпросил у него широкий пояс, с помощью которого тот залезал на телеграфные столбы, приготовил доски, аркан и верёвки. После этого запряг в телегу лошадь и, прихватив по пути сына Мансура, вновь направился в сторону всё той же горы. Ульфат был горд тем, что знаменитый охотник выбрал среди других именно его, и потому старался быстро и точно выполнять все его указания.

Добратся до самой вершины лошадь не смогла, и охотникам пришлось перетаскивать туда привезённый ими груз на руках. К высокому ветвистому дубу были перенесены доски, провизия и верёвки, после чего Ульфат быстро забрался на дерево и соорудил там на мощных сучьях дощатый настил. Затем по указанию охотника он спилил две нижние довольно толстые ветви, чтобы повыше оголить ствол дуба. Когда, опять же по знаку старшего, парень спустился вниз, Юмагул проводил его до лошади и отправил обратно в аул, напутствуя так: “Услышишь с моей стороны выстрелы — зови на помощь людей, и валите сюда ко мне”.

На деревьях всюду набухали почки. Воздух был свеж; запах нарождающейся зелени вперемешку с прелью прошлогодней опавшей листвы щекотал ноздри. С высоты гор особенно остро чувствуешь вечность и глубину открывающихся перед тобой далей, неоглядность неувядаемо-прекрасной земной красы. На фоне этого вечного величия природы сама его жизнь представилась Юмагулу коротким мгновением бытия. И то, что он, семидесятилетний старик, сидит на этом дереве, как какая-то лесная кукушка, показалось ему глупой и нелепой детской игрой. Но что делать — жизнь и впрямь с каждым играет свою особую, неповторимую игру.

Вот в таких созерцательно-философских размышлениях провёл Юмагул двое суток, не сходя со своей верхотуры. Несколько раз порывался он

плюнуть на свою затею и отправиться обратно домой, но каждый раз его что-то удерживало на дощатом сооружении, каких немало приходилось ему устраивать на своём долгом охотничьем веку. Болела спина, ныли бёдра и бока, но он держался из последних сил, ибо привык доводить начатое дело до конца.

Наконец, на рассвете третьего дня стало ясно, что его старания и муки оказались не напрасными. Треск ломающихся сучьев и глухой топот вывели его из дрёмы, заставили встрепенуться и в мгновение ока изготовиться, проверить охотничье снаряжение, наличие патронов.

А неведомое существо продолжало с треском и шумом кружить вокруг да около, не спеша приближаясь к охотнику. Шаги его слышались где-то совсем близко, но самого не было видно, и это выводило Юмагула из себя. Он сразу же догадался, что неприятель исподволь повёл с ним свою хитрую и опасную игру.

Неожиданно наступила тишина. От напряжения у Юмагула разболелись глаза и голова. Нервировало ещё и то, что при малейшем движении доски настила начинали скрипеть. Наконец, сквозь опущенные первой зеленью ветви деревьев проступило что-то большое и тёмное. Юмагул вполне отчётливо разглядел знакомую бурюю тушу, длинные волосатые руки, торчком стоящие уши. Существо ступало тяжело и увесисто, казалось, при каждом шаге земля отдаётся под ним неясным донным гулом. Даже дуб, на котором сидел охотник, мелко затрясся от походки великана.

Юмагул взял ружьё и принял удобную для стрельбы позу. Но тут вновь ощутил дрожь в руках и коленях. “Эх, состарился ты, дружок Юмагул!” — сокрушённо подумал он, тем не менее поудобнее уложил ружьё, чтобы цель впереди просматривалась ясно и чётко, и взял её на мушку.

И тут опять произошло то, что не раз уже бывало в прошлый раз: только-только собрался нажать на курок, как зверь укрылся за стволом дерева. “Выходит, почувствовал моё присутствие, — подумал Юмагул с упавшим сердцем. — Но ещё не знает, где именно я нахожусь”.

Пока Юмагул выжидал нового появления снежного человека, тот успел сделать круговой маневр и оказаться под тем самым дубом, на котором как раз и сидел в засаде охотник. Юмагул почувствовал это в последний момент, когда бурая туша мелькнула на мгновение внизу и скрылась под настилом. Это его крайне огорчило. Теперь целить в него будет куда труднее. Юмагул осторожно отклонился в сторону, чтобы заглянуть вниз, и чуть не соскользнул с настила, кое-как удержавшись за его края. Тем не менее, он успел увидеть находившееся под дубом чудовище, и глаза их на мгновение встретились. Это были взгляды врагов! Столь же осторожно Юмагул свесил ствол ружья и выстрелил наугад. Приклад с силой отбросило вверх, и он больно ударил его в плечо. Когда дым рассеялся, Юмагул скользнул взглядом вниз и никого там не увидел. Снежный человек куда-то пропал. С похолодевшим сердцем огляделся Юмагул по сторонам и заметил своего врага уже в стороне. Тот стоял как ни в чём не бывало и продолжал смотреть на человека с ружьём пристальными немигающими глазами, от взгляда которых становилось жутко. Не задумываясь, он пустил в его сторону ещё один заряд. И, как много раз до этого, снежный человек вновь успел шмыгнуть за ближайшее дерево. Нет, этого не может быть! Не разучился же он верно целиться за какие-то несколько лет, когда стал все реже брать в руки ружьё. Значит, что-то тут не так. Возможно, он заваливает ствол или просто-напросто слаб заряд — не может пробить шкуру такой громадины.

Между тем, воспользовавшись заминкой стрелка, объект его охоты в несколько прыжков опять оказался на прежнем месте — под дубом. Впервые издав устрашающий рык, он начал изо всех сил трясти его, и каждая ветка дерева, большая и малая, пришла в движение, затряслась, зашелестела. Но ведь недаром же выбрал Юмагул для себя этот крепкий раскидистый дуб, если даже такой гигант, как этот дикий полувзврь-получеловек, не смог сколько-нибудь ощутимо подействовать на него! Тот и сам, наконец, понял, что справиться с лесным великаном ему не по силам, вновь издал бешеный рык и неуклюже полез вверх по корявому стволу дуба. Выпученные глаза его

горели злобой, ощеренные клыки разъятой пасти готовы были разорвать своего обидчика на клочки.

Дрожащими руками Юмагул затолкал в стволы ещё два патрона и, не задумываясь, произвёл два выстрела подряд в пасть чудовища. Тот на какой-то момент замер, вцепившись когтями в ствол дерева, затем издал такое сумасшедшее рычание, что окружающий лес ответил ему многократным эхом, а Юмагул чуть не свалился вниз от обуявшего его страха. Но вот глаза снежного человека как-то странно закатились, он отпустил руки-лапы и с грохотом упал на землю. “Наконец-то! — воскликнул охотник. — Наконец-то я его добил!” Тем не менее он решил пустить в лежащую под дубом тушу ещё пару зарядов, но пока возился с патронами, та вновь ожила, тяжело поднялась на ноги и довольно споровисто бросилась в сторону.

Юмагул был настолько потрясён, что чуть не выронил ружьё, удержав его в самое последнее мгновение. Теперь он просто следил за тем, как его лохматый противник чуть ли не с корнем вырвал росшее рядом деревце и с разбега ткнул им в осточертевший ему ствол дуба. На этот раз сотрясение было более ощутимым, с настила сорвался и упал вниз мешочек с едой, повисла шуба, чудом зацепившись за шербатый угол доски.

Юмагул изо всех сил сжимал ружьё, не зная, как действовать дальше. От сокрушительных тычков настил подскакивал и вот-вот готов был сорваться вниз. Оставив его и на ходу перекидывая ружьё за спину, Юмагул полез по стволу выше, пытаясь помогать себе ногами, но те то и дело соскальзывали, и ему стоило огромных трудов добраться до верхнего более или менее толстого сука. Устроившись на нём, он из неловкого положения произвёл ещё два выстрела, стараясь целить прямо в голову проклятого зверя. И опять безуспешно. Между тем тот добрался до уровня настила и принялся с остервенением ломать и швырять на землю оставшиеся доски. “Ну, теперь мне конец”, — почти спокойно подумал охотник, поглаживая гладкие гильзы двух последних патронов. Теперь он ясно понял, что его зарядами этого волосатого великана не пробьёшь, приходится уповать только на чудо. Но кто это чудо ему ниспошлёт?

А гифрит продолжал упорно карабкаться вверх, пытаясь схватить его лапами и свершить над ним суд прямо на верхушке дерева. Вот уже лохматое тело его совсем близко; ещё чуть-чуть — и схватит за ноги... И тогда, собрав последние силы, Юмагул с размаха ударил прикладом ружья по этому темени, абсолютно не надеясь на какой-либо успех. Но — действительно, чудо! — ветка, за которую держался снежный человек, внезапно обломилась, и он рухнул вниз вместе с ружьём Юмагула, которое выскользнуло из его обессилевших рук.

И в тот самый момент неподалеку послышался рёв трактора и человеческие голоса. Юмагул так и замер, из последних сил цепляясь за спасительный сук. Слезы сами собой поползли по его щекам.

Упавший с дерева снежный человек тоже услышал приближавшиеся голоса, бросил в их сторону быстрый взгляд и без особой спешки ушёл в глубину чащи.

Омертвевшие руки Юмагула будто приросли к стволу дерева, настолько сильно было его нервное напряжение. И только когда людские голоса зазвучали совсем рядом, он пришёл в себя, и первое, о чём подумал, было: жив! Да, Аллах вновь помог остаться ему в живых, и это само по себе уже было чудом.

Люди, сгрудившиеся вокруг дерева, не сразу разглядели на нём своего аульчанина. Один поднял с земли мешок с остатками еды, другой — ружьё с расщепленным прикладом, третий — старую шубу. Кто-то печально произнёс:

— Кажется, тут и нашёл свой конец наш отважный Юмагул-агай.

Но подоспевший Ульфат вдруг закричал пронзительным голосом:

— Вы что? Вон же он, Юмагул-агай! Живой! На дереве.

Все стоявшие внизу сразу вознесли взгляд вверх и ахнули, увидев старого охотника чуть ли не на самой макушке высокого дуба.

— Вот это да! — восхищённо промолвил один.

— Так высоко ни один наш малайка не заберётся.

— Слезай, Юмагул-агай! Ты что, летовать там решил?

Охотник медленно сполз вниз по корявому стволу дуба, который спас ему жизнь.

— Ну, и силен же ты, Юмагул-агай! Откуда только сила берётся!

— Юмагул-агай на то и охотник, чтобы не стареть.

— Ты тут так грохотал своим ружьём, что мы подумали: с целой вражеской армией воюешь, — сказал Почта-Сабит.

Между тем сам Юмагул внимательно приглядывался к уже растоптанной множеством ног земле и примятой траве, будто хотел отыскать какую-то потерянную вещь. Другие тоже стали рыскать вокруг себя глазами, ещё не понимая, зачем это нужно.

— Что ты ищешь, Юмагул-агай? — догадался, наконец, спросить один из аульчан.

— Следы крови ищу, — коротко ответил охотник. — Да, видно, не та это тварь, которую свинец берёт. Вот так, братки.

— Да стрелял ли ты в него? — спросил было кто-то из молодых, но на него так зашикали и замахали руками, что тот смолк и отошёл в сторонку, чувствуя себя виноватым. Было ясно: в лице этого снежного человека люди приобрели для себя страшного врага, а как с ним воевать, никто не знал.

После безуспешного поединка Юмагула с бурым наваждением несколько дней в ауле опять царили тишина и покой. Некоторые излишне беспечные люди вновь готовы были благодушествовать: ну, теперь-то он сюда не сунется, Юмагул-агай хотя и не подстрелил злодея, но напугал так, что тот вряд ли осмелится опять появиться в здешних местах.

И как бы в ответ разбойник растерзал сразу двух колхозных коров. Паника овладела сельчанами. Итак, всё начиналось сначала. Но кто же возьмётся по-настоящему бороться с этим воплощением зла и коварства, которое с каждым днём свирепствовало всё больше и больше? Были растерзаны ещё одна корова и дойная кобылица. Отныне все невесёлые мысли людей были связаны с этой двуногой бестией. Самое главное, никто не видел своими глазами, как он расправляется со скотиной: убивает ли её вначале и затем уносит, или сперва уносит, а потом уже убивает. Пытались копать на пути разбойника ямы-ловушки, покрывая их сверху лыком да землей, ставили хитрые капканы — всё напрасно: разбойник спокойно обходил опасные места и продолжал вершить свое чёрное дело.

Аул погрузился в глубокую печаль. Несколько семей перебрались в соседние деревни, к своим ближним и родным, увозя с собой скотину. Таким образом, селение, насчитывавшее около ста дворов, стало пустеть на глазах, становясь местом кровавого пиршества снежного человека.

Вскоре за горой у реки стало складываться новое поселение, состоящее сплошь из переселенцев.

А дикий разбой буро́го великана не знал границ. Теперь уже стали пропадать коровы и лошади в соседних деревнях. Горе и беда стремительно распространялись всё шире и шире. Прибывший из районного центра наряд милиции прочесал все окрестные горы и леса, но никаких ощутимых результатов не достиг.

Наконец, случилось то, чего со страхом ожидали все: Мансур с сыном, отправившиеся на поиски второй пропавшей коровы, обратно не вернулись. Лишь через пару дней их остывшие трупы были обнаружены на улице аула. Ни крови, ни увечий. Убийца умертвил их простым способом — сломал хребет и затем “милостиво” возвратил тела в родную обитель.

В один из вечеров Юмагул почувствовал за стенами дома присутствие своего заклятого врага. Он слышал знакомый топот его ног, мерную тяжёлую походку. Приблизив лицо к оконному стеклу, он взгляделся в вечернюю темь и увидел лицо снежного человека, зрящего на него в упор. От взгляда глубоко сидящих, пристально вглядывавшихся в него глаз ему стало не по себе.

А наутро он увидел пустой хлев — без единой скотины. Сарай был разрушен, жердяная ограда сломана. Видно, снежный человек решил, наконец, расправиться со своим главным врагом, уничтожив вокруг него всё живое и окончательно источив его волю и старческие силы.

Вскоре распространилась весть, будто бурый великан отнюдь не одинок, что подобных ему тварей много, и это было похоже на правду: началась настоящая охота на колхозный скот. Ни один самый лютый зверь не смог бы совершить такого разбоя, не будь рядом с ним других таких же пожирателей мяса.

И вот из города выслали вертолёт. Юмагула взяли в него как “специалиста по снежному человеку”, и он несколько часов кряду летал над горным массивом в поисках таинственных существ. Но у тех имелось непостижимое свойство скрываться от людского глаза, когда угроза для их жизни становилась вполне реальной.

Потом пришло сообщение, что положением в этих местах обеспокоились в правительстве и там сейчас совещаются по поводу того, какие меры следует предпринять для успешной борьбы с неожиданными кровожадными пришельцами.

Полное истребление собственной скотины Юмагул воспринял, как кровную обиду. Поняв, что подручными средствами бороться со столь опасным врагом невозможно, он решил проследить и понять его повадки, образ жизни, выявить уязвимые места. С тем он и отправился в новый поход под плач и причитания жены.

Долго бродил он по лесным тропам да горным перевалам, немало встретил следов снежного человека. Но стоило эту двуногую тварь начать искать специально и целенаправленно, как она тотчас исчезала из поля зрения, будто сквозь землю проваливалась. В то же время гифрит мог попасться на глаза в любой момент, стоило лишь отойти подальше от аула и углубиться в лесок. Он как бы играл с человеком в кошки-мышки, и с этим ничего нельзя было поделать. Старый охотник уже знал, что никаким ружьём его не возьмёшь, что черепная коробка у него — будто из чугуна, а тело — из железных мышц и суставов. Может быть, в него надо палить из пушек или бить из военных винтовок, в которых каждый патрон — с ладонь величиной?

Знал это Юмагул, знал, но снова отправлялся в горы, повесив на плечо старую двустволку и прихватив с собой скудный запас еды. Зачем? На это он и сам уже не мог бы ответить внятно. Зато чувствовал что-то подспудное, глубоко затаённое, что роднило его с самым этим снежным человеком, заставляло переступить порог родного дома и уходить в лесные дебри. Его перестал интересовать дом, он стал равнодушен к своему хозяйству, которым когда-то так дорожил. Даже к прямой своей мужской обязанности — добычанию пищи для прокорма семьи (не говоря уже о деньгах, о которых здесь и думать забыли) — он относился теперь спустя рукава, мог не есть, не пить долгие часы, а то и дни, а что там едят дома — не его забота. Он сделал своё дело, не один десяток лет тащил домой всё, что мог раздобыть, и никто не попрекнёт его за то, что он это делал плохо. А теперь пусть его оставят в покое, он заслужил хоть мало-мальского спокойствия и возможности предаваться своим думам и делам.

“Так что же это за тварь? — в который раз мучительно думал Юмагул, присаживаясь отдохнуть на кочку и напряжённо вглядываясь в окружающую его лесную чащу. — Откуда она взялась и как с ней следует разговаривать?..”

Разговаривать... А что? Может быть, с ним надо именно разговаривать, попытаться понять его? Ведь сначала он и появился-то как-то незаметно. Ну, задрал там какую-то коровёнку... Ну, пошалил вблизи аула... А разве стаи волков, на его памяти не раз бравшие деревню в осаду, такое только выдывали? Ого-го! И от волков доставалось, и от медведей. Да что там, если даже самые обычные лисицы иной раз причиняли такой урон колхозной птицеферме, что только стон стоял! И ничего, продолжают существовать рядом с человеком, как существовали сотни, а может, и тысячи лет. Боятся людей, особенно таких, как Юмагул, но существуют, чего же их за это попрекать? Правда, этот-то никому из них не чета. Даже медведям-шатгунам, способным загрызть кого угодно, в том числе и человека.

Да, этот гифрит, этот снежный человек пришел в ярость именно после того, как люди стали ходить на него с ружьями. И первым был он, старый

Юмагул. А куда деваться, если он охотник и если нет во всём ауле более молодого человека, способного его заменить? До охоты ли нынче молодым, если водка заменяет им всё? Вон даже новый лесничий, присланный сюда для наведения порядка, не расстаётся с бутылкой, пьян целыми днями, все деланки, можно сказать, пропил, а ему хоть бы что! Ни контроля, ни проверки — одна словесная шелуха.

Да что там говорить, нынче пьют почти в каждом доме аула. Пьют и дерутся. Мужья бьют жён, жёны — своих детей. Недаром наложила на себя руки самая симпатичная девочка деревни — двенадцатилетняя Разиля! И после этого чего требовать? И удивляться тому, что в окрестных лесах хозяйничает существо, которое по жестокости ничем не отличается от человека? Да и повадки у него чисто человеческие. Только взять его ничем нельзя. Он будто бы ограждён самим Аллахом. Или сатаной. А может быть, самой Матушкой-Природой.

Эге-ге, не так все просто с этим снежным человеком, не сможет его, как сорокового медведя, взять старый охотник Юмагул. Силы уже не те. Да и нужно ли? Так почему же его так тянет в эти лесные дебри, подальше от человеческих глаз, прочь от деревенских сплетен, судов-пересудов, от каждодневной ругани и драк? Может быть, именно в этом неведомом гифрите почувствовал он родственную душу, живущую с незапамятных времён, когда он сам был таким же?

В тяжёлых думах возвращался Юмагул домой, так и не раскрыв тайн мохнатых пришельцев. Совсем иные думы одолевали теперь старого охотника.

Жена была безмерно рада тому, что муж вернулся цел и невредим: она-то ведь мысленно уже прощалась с ним навсегда...

Два дня и две ночи не поднимался Юмагул со своей постели. И болеть вроде не болел, а так, лежал и вздыхал, предаваясь своим невесёлым думам.

Когда на третий день Юмагул выглянул в окно, то вздрогнул и обомлел: вдали со склонов гор спускались вниз странные волосатые существа. Целое стадо! И впереди всех уверенно и степенно шествовал знакомый ему трёхметровый гигант — снежный человек. Страшный человек!..